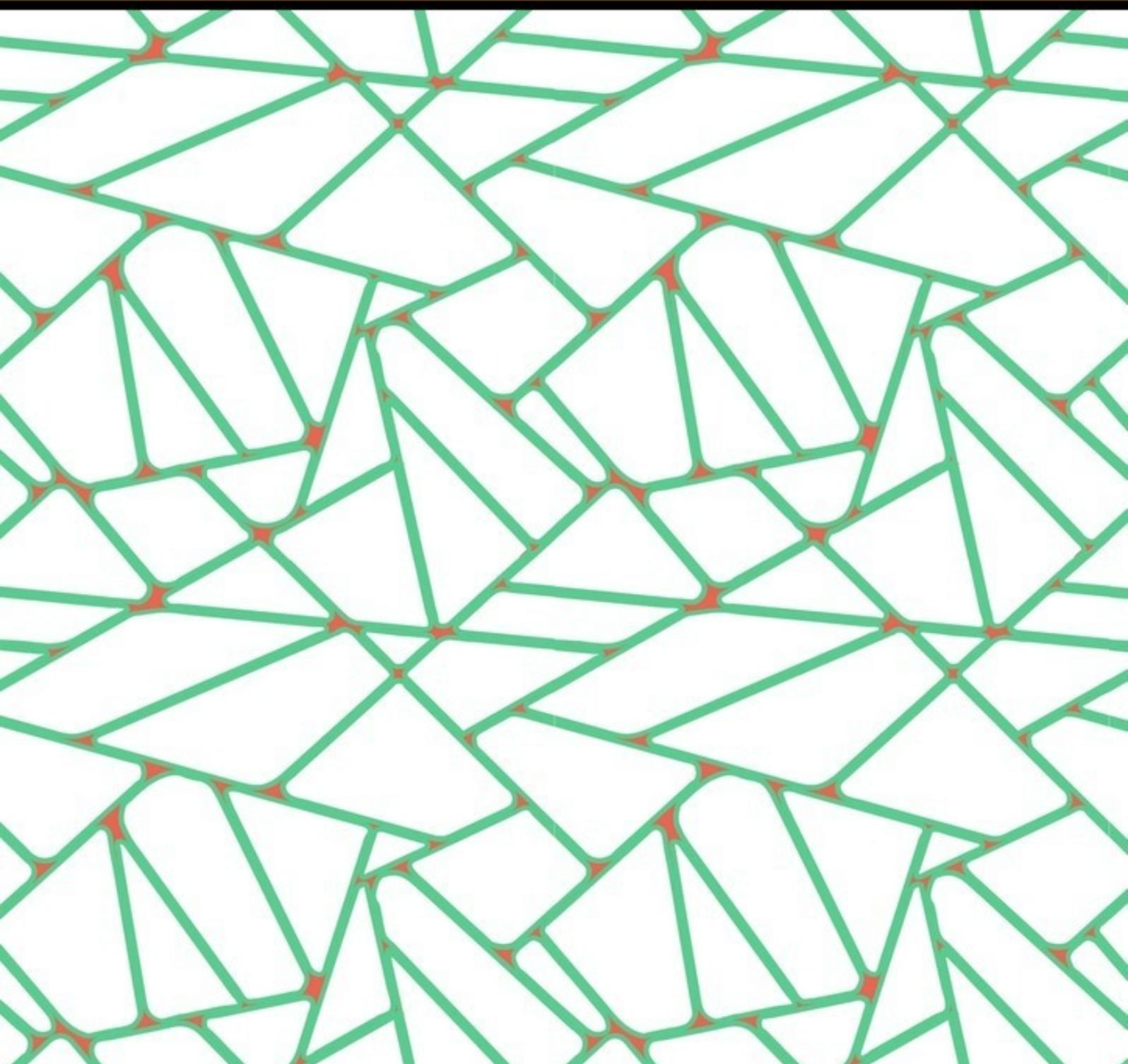

ЛЮДМИЛА ЛИПАТОВА

ДОРОГАМИ КОЧЕВИЙ

Людмила Липатова
Дорогами кочевий

«Издательские решения»

Липатова Л.

Дорогами кочевий / Л. Липатова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857097-1

Свидетельства жителей Ямала и учёных, ищущих истину и получивших удивительные встречи. В этой книге переплетается всё, от бабочек и сохранения природы, до уроков прошлого и мистики.

ISBN 978-5-44-857097-1

© Липатова Л.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Астрономия жизни	9
Поднимают всем миром	12
В гостях у Анны Неркаги	16
По отрогам Полярного Урала	26
Французы в гостях у кочевников	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Дорогами кочевий

Людмила Липатова

© Людмила Липатова, 2017

ISBN 978-5-4485-7097-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Много лет назад судьба привела меня на Ямал. Что я тогда знала о местных народах, ведущих кочевой образ жизни? Можно сказать, что ничего. Несколько лет я жила в Яр-Сале – центральном посёлке Ямальского района, потом переехала в Салехард, где и пребываю до сих пор. За эти годы мне пришлось много поехать по Ямалу сначала в качестве корреспондента радио, потом музейного работника. Изменения, которые совершались в нашем округе, проходили на моих глазах. На первых порах эйфория освоения, я бы даже сказала какой-то романтики, охватила и меня. Казалось, это так здорово, что растут новые города и посёлки, строится трасса Уренгой-Помары-Ужгород, которая даст газ в Европейскую часть Советского Союза и за рубежи страны. По её части, которая прошла по нашему округу, мне пришлось проехать с магнитофоном, брать интервью у водителей плетевозов, сварщиков трубы и других строителей трассы.

Побывала я и на Ямбурге, когда он только начинал строиться, ездить на первых поездах, приезжающих в Новый Уренгой и даже один раз спрыгнуть с поезда на ходу. Казалось, что впереди у всех людей, как приехавших сюда, так и живущих здесь издревле, прекрасное будущее. Но постепенно разочарование всё больше и больше поселялось в моей душе. Развороченная земля, брошенная техника, сожжённые ягельники. Когда в 1990 году пожаром была охвачена большая часть лесотундры, мы летали над «мёртвой» железной дорогой, и на наших глазах огонь охватывал брошенные посёлки бывших узников-строителей, мне подумалось, что одно зло, порождённое людьми, уничтожает другое, тоже возникшее благодаря жестокой воле человека.

Многое довелось увидеть, понять и переосмыслить, в особенности, когда мне пришлось по роду своей работы кочевать с оленеводами-ненцами и зимой и летом, ходить пешком по горам Полярного Урала от чума к чуму. Там я тоже видела следы разрушений, хотя ещё не началось промышленное освоение, – здесь действовали только геологи, да строится по Байдарацкой тундре железная дорога на полуостров Ямал. Постепенно сокращаются пастбища, загрязняются реки и озёра. Промышленная цивилизация наступает на хрупкий мир Заполярья.

А что же с местными народами? Как они выживают в наше непростое время? Почему не едут жить в новые города и посёлки? Что их держит в чуме, где людям со стороны кажется холодно и неприятно? Ведь традиции, обычаи, культура древних народов, населяющих Север планеты, сохранились только на Ямале. Такого нет почти нигде в мире. Конечно, немаловажным обстоятельством послужила малодоступность региона проживания кочевников. Но ведь не просто добраться и до других мест Арктики. Мне кажется, здесь сыграло свою роль свободолюбие, особые отношения между тундровиками, оленями и собаками, всегда находящимися рядом, окружающими их озёрами и реками, лесами и горами, цветущей весной тундрой и белыми снежными просторами.

Салехард 18 июля 2000 года. Собственно только сегодня я приступила по настоящему к написанию давно задуманной книги. Я сижу за компьютером, перебираю файлы с расшифровками бесед с самыми различными людьми, готовыми очерками, зарисовками, статьями. Перечитываю дневниковые записи, прослушиваю магнитофонные плёнки и вновь переживаю те ощущения, которые у меня возникали при этих событиях. Что-то из всего этого получится? Как говорится – поживём, увидим.

Так уж повелось, что почти все пишут в предисловии о своём авторском кредо. Почему им захотелось написать именно про это, а не про что-либо другое, как вообще они дошли до мысли, что это кому-то нужно. Вполне может оказаться, что нет ничего нового и интересного в высказываниях автора, что подобных описаний уже великое множество. Но всё-таки я

тоже попробую рассказать о том, что наболело, поделиться всем увиденным и услышанным за долгую дорогу жизни. А увидеть и услышать пришлось, поверьте мне, немало. Со многими удивительными людьми свела меня судьба. С большинством из них я поддерживаю дружеские отношения уже многие годы. Некоторые из этих встреч буквально заставили меня по-другому взглянуть на окружающий мир, переосмыслить мои взгляды на жизнь.

Непроизвольно сравниваю свои ощущения во время путешествий по тундре с переживаниями исследователей, миссионеров, учёных: Ивана Семёновича Шемановского, Юрия Иннокентьевича Кушелевского, Константина Дмитриевича Носилова, Бориса Михайловича Житкова, Владимира Ивановича Васильева, Саввы Михайловича Успенского, Андрея Владимировича Головнёва, Александра Ивановича Пики, Натальи Викторовны Фёдоровой, Ирины Владимировны Покровской и других. Многие из них постоянно жили или находились в долговременных экспедициях в том или ином месте нашего округа. Читая отчёты, статьи, книги этих людей или слушая их собственные рассказы, я проникалась их мыслями и чувствами, рисуя себе реальные картины происходящего с ними. И невольно, натываясь в тундре на те или иные картинки быта кочующих народов, думала, вот это осталось таким же, как и сто лет назад, а вот это изменилось. А что бы почувствовал отец Иринарх в этой ситуации, а как бы он поступил? Он приходит мне на ум чаще других. И я теперь даже поняла, почему. Если другие знали, что их примерно ожидает, то он так же, как и я, ничего не знал об этих народах до приезда на север. Он пытался осмыслить и понять другой мир, открывшийся перед ним во всём многообразии. Спустя век то же самое пытаюсь сделать и я. Странно, да?

Я решила разделить книгу на несколько глав. Первая называется «Из дневника музейного сотрудника, где и в самом деле приведу отрывки из своих полевых записей, сделанных в разные годы. Во второй расскажу о некоторых встречах в посёлке Мужы – центре Шурышкарского района. Эта командировка пришлась на начало августа, как раз на празднование Ильина дня. Она так и называется «Ильин день». Третья посвящена, в основном, журналистам. Их взгляду на северные проблемы, да и вообще, провинциальной России. Она называется «Жива Россия». В последние годы к нам в округ ездит много иностранцев: корреспондентов, исследователей. Каково же их восприятие Севера? Это я пытаюсь раскрыть в главе «Тёплые воспоминания о холодном севере». Я знакома со многими художниками нашего округа, стараюсь следить за их творческими успехами. Сильнейшее впечатление произвела на меня встреча с известным хантыйским художником Геннадием Райшевым. Наименование его маленькой книжечки «От чего мучается художник» стало названием пятой главы. И, наконец, последняя, шестая глава, «В поисках истины» рассказывает о современных учёных, проводящих различные исследования в нашем регионе.

Далеко не всё из моих полевых дневников вошло в эту книгу. Ждут своей расшифровки магнитофонные записи, сделанные в различные годы. Есть много людей, о которых я просто обязана рассказать, потому что они – сама история Обского Севера.

Очень многим людям хочется сказать слова искренней благодарности за их бескорыстную помощь во время моих кочевий по Байдарацкой тундре и в первую очередь, конечно, Анне Павловне Неркаги. Это она неоднократно принимала меня в своём чуме, познакомила с тундровиками, рассказала о традициях и обычаях кочевого ненецкого населения. Конечно, я очень признательна коллективу Ямало-Ненецкого окружного краеведческого музея имени И. С. Шемановского, который всегда поддерживал меня в различных начинаниях и исканиях, всем героям моих очерков, зарисовок, интервью.

Естественно, я ничего бы не могла сделать, если бы не приходили ко мне на выручку члены моей семьи: сыновья Всеволод и Евгений, невестка Диана и, самое главное, замечательный внук Саша. Представляете, увидев впервые чум, осмотрев его, он изрёк: «Это что – „шкурник“?» Какая точная характеристика – чум же покрыт нюками из шкур.

Я не буду перечислять всех тех, кто мне дорог и близок, боясь обидеть кого-нибудь своим невниманием. Но знайте, я всех вас помню и люблю. Каждый из вас занимает частичку моей души. Я молюсь за Вас.

...Посмотрела на календарь – надо же – сегодня уже 18 апреля 2001 года. Девять месяцев прошло с тех первых строчек. Ровно столько, сколько нужно, чтобы выносить дитя. Удивительное совпадение!

P.S. ...Прошло больше трёх лет. Наконец-то нашлись средства в окружном бюджете на издание этой книги. Мне остаётся только от всего сердца выразить администрации округа свою безграничную благодарность и признательность.

Дорогие читатели! Хочется обратить Ваше внимание на то, что под каждым материалом стоит дата его написания. За время, прошедшее с тех пор, что-то изменилось в судьбах моих героев, с ними произошли какие-то события, исследователи получили новые сведения, кто-то получил повышение по службе или учёное звание, кто-то уехал с Севера, а кто-то, наоборот, перебрался сюда. Что ж поделаешь, ведь жизнь не стоит на месте. Надеюсь ещё встретиться с некоторыми из них на страницах будущей книги. Введены в книгу и несколько новых статей, которые написаны после 2001 года и даже появилась новая глава, которую я назвала «Удивительные встречи».

Очень хочется, чтобы Вы были снисходительны и терпимы, не судили слишком строго за написанное. С нетерпением жду Ваших отзывов и пожеланий.

Искренне ваша
Людмила Липатова

Астрономия жизни

22 сентября в Москве на Воробьёвых горах во Дворце творчества детей и юношества традиционно отмечается праздник осеннего равноденствия. В этот день учащиеся, заново поступающие в отдел астрономии и космонавтики, положив руки на кусок Сихотэ-Алинского метеорита, дают клятву верности музе Урании. Вообще надо сказать, что в этом отделе работают очень увлечённые люди. Они стремятся привить детям любовь к природе, приучают их задумываться о судьбе нашей планеты, о её месте в мироздании. Уже несколько лет подряд они выезжают летом вместе с детьми на Полярный Урал. Добираются на вертолёт из Воркуты до озёр Большое Щучье или Хадыта, а затем спускаются по горным рекам на резиновых лодках. Прошлым летом на одной из тропинок возле фактории Лаборовая я встретила с Еленой Васильевной Башлий, одним из руководителей этой экспедиции. Мне нужно было переправиться через реку Щучья, чтобы идти дальше в горы. Я очень спешила – на берегу меня ждала лодка. В тундре встречи бывают не так уж часто, поэтому с любым человеком, пусть даже и незнакомым, обязательно остановишься и поговоришь. Мы, естественно, познакомились. Она рассказала, почему оказалась здесь в Байдарацкой тундре, а я, в свою очередь, о себе. Меня очень заинтересовала их экспедиция, но времени, повторяю, было в обрез, поэтому мы договорились встретиться осенью в Москве.

Итак, в 2000 году на Воробьёвых горах всё происходило, как обычно – и возложение рук и клятва. А потом перед ребятами выступили выпускники отдела, которые в течение учебного года принимали участие в астрономических олимпиадах, научно-практической конференции «Космический патруль», международной встрече «Дети на пороге 21-го века, а также во втором астрофестивале – слёте любителей астрономии России». Отличие на этот раз, пожалуй, было только в одном – во Дворце по приглашению Елены Васильевны, присутствовала я. Кстати, она с детства увлеклась астрономией, была выпускницей этого отдела, а сейчас работает заведующей учебно-методическим кабинетом. Вместе с детьми и сотрудниками я осталась на ночь во Дворце, чтобы полюбоваться ночным небом через окуляр телескопа. Сначала Елена Васильевна провела небольшую беседу в лекционном зале планетария, где рассказала об устройстве вселенной, планетах и звёздах, а уже потом мы все по очереди поднимались в обсерваторию к телескопу.

Это была удивительная ночь. Я первый раз в жизни наблюдала за жизнью ночного неба, так сказать, вооружённым глазом: Млечный Путь, Луна, кольца Сатурна, Персеиды – падающий метеоритный поток – всё это необычайно впечатляло. Конечно, находится постоянно в обсерватории было невозможно, во-первых, ребятам необходимо было вести научные наблюдения и не следовало им мешать, во-вторых, было очень холодно. Детей, числом около 50, оказавшихся в не совсем обычной обстановке, сдерживать взрослым было непросто. Одновременно всем около телескопа просто не поместиться, поэтому в свободное время школьники слушали музыку, пили чай, читали, играли на компьютере, а потом кое-кто, угомонившись, уснул прямо на диванах или стульях. Некоторых ребят под утро забрали родители, а остальные ждали, когда откроется метро. От пережитых ощущений спать совсем не хотелось, и я попросила Елену Васильевну рассказать, чем же занимается отдел астрономии и космонавтики.

«Дворец существует с 1962 года. Это произошло ровно через год после полёта Юрия Гагарина в космос и вскоре после того, как космонавт номер два, Герман Титов совершил 17 витков вокруг земли. Тогда в стране все увлекались космосом, так что открытие нашего отдела было вполне закономерным. Совсем недавно, три года назад в честь 40-летия запуска первого космического спутника Герман Титов был у нас в гостях. Честно говоря, мы очень боялись, что народу будет немного, потому что сейчас космонавтикой интересуются мало,

а уж про первых космонавтов многие даже и не знают, кто они были – американцы или русские, как их звали. Но на самом деле получилось целое столпотворение. Детей было так много, что они сидели на лестнице, стояли в проходах. И все хотели прикоснуться к живой легенде. Герман Титов улыбался, вёл себя очень демократично, раздавал автографы, смеялся. Никто не мог подумать, что вскоре его не станет. Осенью этого года он умер всего на 65-м году жизни. Это очень большая потеря не только для космонавтики, но и для всей нашей культуры.

В отделе астрономии и космонавтики ребята могут не только приобщаться к самой астрономии, но они могут много общаться. Доброй традицией стали наши праздники и среди них такой, как день весеннего равноденствия, когда начинается астрономический год. А совсем недавно мы поняли, что кроме астрономии, которую мы изучаем с помощью приборов, фотографий и книг, есть ещё астрономия жизни. Это наш календарь, благодаря которому мы начинаем чувствовать пульс времени и чувствовать себя частью вселенной, потому что именно лунно-солнечный календарь лежит в основе всех наших планов и надежд. Но для того, чтобы выполнить эти планы, надо знать, что нас ждёт впереди, а прогнозы это тоже астрономия. Ещё мы знаем о том, что солнце бывает активным и спокойным. Сейчас год активного солнца, и это сразу отразилось на нашей судьбе. Вспышки на солнце 12 августа напрямую были связаны с катастрофой на лодке «Курск». Следующие вспышки породили волну смертей среди известных людей. И мы прекрасно понимаем, что солнце это не только источник жизни, но и, увы, иногда подчас бывает и источником наших неприятностей. И вот понимание того, что мы часть вселенной, что мы живём в едином, так сказать, порыве вместе с солнцем, с планетами и придаёт нам особое понимание того, что земля не только часть вселенной, но ещё и живой организм, всецело зависящий от нас. Именно от нас зависит, будет ли она процветающей планетой или превратится в огромную свалку и помойку. И для того, чтобы не произошло этой беды, мы стараемся ребятам привить не только любовь к знанию о звёздах и о планетах, но в первую очередь – знания о нашей истории, культуре. Насколько наши предки хорошо представляли себя частью вселенной, как они любили и уважали нашу землю и насколько они жили с ней в согласии. И наши ребята постепенно начинают знакомиться с этой историей. Они начинают понимать, что астрономия, как способ мышления, возникла ещё в период верхнего палеолита, когда практически наши предки ещё говорить толком не могли, они только начали что-то изготавливать, научились рисовать что-то на стенках пещеры, какие-то украшения первые сделали, и сразу же появилась астрономическая символика. Фазы Луны, количество бусинок на браслетах и ожерельях 29 или 28. Это столько дней в лунном месяце. И вообще Луна в своё время была не только богиней, связанной с плодородием, связанной с культом женской силы, потому что лунные месяцы лежат в основе беременности. Но ещё к тому же Луна ходила среди звёзд, и именно она впервые выделила зодиак, который потом стал солнечным. А вначале был лунный зодиак. И когда мы говорим о раскопках археологов, которые рассказывают нам о древних мирах и об истории наших народов, мы уже знаем, что практически в любом селище, в любом городище всегда были астрономические ориентиры. И мы очень гордимся, что самой древней наукой, является не математика, а именно астрономия, хотя люди, может, даже толком и считать-то тогда не умели. Наши ребята хорошо знают историю, очень гордятся, чем они занимаются. Конечно, в основном, сейчас мало кто из них становится профессиональным астрономом. Но, тем не менее, астрофестиваль, слёт любителей астрономии показал – среди экономистов, предпринимателей, врачей, юристов есть любители астрономии, которые покупают или сами делают телескопы, фотографируют звёздное небо. Кем бы они ни были по профессии, они знают хорошо нашу вселенную».

А потом разговор постепенно перешёл к экспедициям на Полярный Урал. Как правило, в группе 12 детей со второго по одиннадцатый класс и трое взрослых. В этом году Елена

Васильевна даже взяла в поход свою десятилетнюю дочь Таню и совершенно не пожалела об этом. Некоторые из ребят путешествовали уже не в первый раз, и даже был один школьник, который отказался от поездки в Германию, чтобы побывать на севере. Он мотивировал это тем, что в Германии он всегда сможет побывать, а вот в такую экспедицию за Полярным кругом попасть намного сложнее. Группа стартовала из Москвы 15 июля, доехала на поезде до Воркуты, и 18 была на озере Большое Щучье, почти четыре недели они сплавлялись по реке Щучья, которая, делая огромные петли по Байдарацкой тундре, впадает в Обскую губу. Места эти восхитительно красивы, недаром они привлекают к себе бывалых людей из разных городов России. Мне приходилось там встречаться с туристами из Санкт-Петербурга, Инты, Екатеринбурга, Москвы и т. д. И все они неизменно были в восторге от путешествий. Не была исключением и участники этого похода.

«У нас был потрясающий последний вечер 13 августа. В этот день была вспышка на солнце. Мы сидели на высоком песчаном берегу, на опушке лиственничного леса. И в том месте, где был восход, сияли на светлом небе Юпитер с Сатурном, а там, где был закат, на темнеющем участке неба мы любовались падающими метеоритами – Персеидами, и ещё увидели белёсое еле-еле заметное северное сияние. Это необыкновенное зрелище – светлое небо и на нём свечение. Но мы же знали, что такое сияние означает очень бурную деятельность на солнце. И мы пытались представить, а как к увиденному явлению относились охотники в древности? Как бы они это оценили – яркие две звезды на востоке и сполохи первого сияния. Они бы, наверное, сказали, что это уже начинается зима. Так вот мы сидели с ребятами, восхищались, фантазировали. Такой вечер запомнится на всю жизнь».

Было интересно узнать, а чем же занимались школьники в походе, были ли у них какие-то задания, с каким настроением покидали север.

«У нас была разработана научная программа, которую мы подробно проработали в Москве. Каждому из ребят было дано своё задание. Одни должны были проверять радиоволны, их прохождение через ионосферу, другие наблюдали за солнечными пятнами, третьи измеряли давление. У нас с собой были метеоприборы, барограф, термограф, приборы артериального давления, радиостанция. Мы строили высоченную антенну для измерения УКВ диапазона волн. Хочется отметить, все школьники очень ответственно подошли к научным исследованиям.

Здесь совершенно особая природа. Своей суровостью она вырабатывает в характере городского ребёнка то, что он никогда не получит ни с какими играми и ни с какими наказаниями. Они начинают ощущать себя частью природы, приучаются к дисциплине. Ведь порой им приходилось надеяться только на себя, в особенности, когда пришлось плыть по бурным перекатам, продирались через камни, потому что лето было сухим и жарким, и во многих местах обнажилось дно. Ребята сильно выматывались за дневные переходы. Но что самое поразительное, несмотря на мошкарку, перепады температуры и прочие неудобства ребята уезжали из тундры с такой тоской – трудно возвращаться в суетную Москву. Понимаете, для них это был храм природы».

Мы беседовали с Еленой Васильевной до самого утра, потом полюбовались вместе с ребятами на восход солнца и, в конце концов, уставшие, но чрезвычайно довольные, отправились по домам. Пока я ехала в метро, мне пришла в голову мысль, а почему у нас нет в округе обсерватории? Было бы здорово, если бы и у нас был такой центр по изучению космоса, чтобы там стоял телескоп, и наши дети, да и взрослые тоже, могли бы наблюдать за звёздами и больше узнавать о нашей вселенной. И ещё, чтобы туристскими маршрутами ходили не только школьники из московского Дворца творчества детей и юношества, а и наши ребята увлеклись бы летними походами в тундру и в горы Полярного Урала.

23 сентября 2000 года. Москва

Поднимают всем миром

С Татьяной Павловной Гнённой, директором надымского детского дома, я познакомилась на Ямбурге. Очень энергичная, жизнерадостная, приветливая женщина с такой теплотой и любовью рассказывала о педагогах и детях, которые воспитываются в этом муниципально-образовательном учреждении, что мне захотелось узнать про их жизнь поподробнее. На фоне всего того, что в последнее время показывают по телевизору и печатается в прессе о детских домах по всей России, это просто благодать какая-то, почти идеальное место для ребятшек, потерявших своих родителей по тем или иным причинам. А вообще, если бы кто-нибудь лет десять, да даже пять лет назад, заикнулся бы о том, что в Надыме будет открыт детский дом, никто бы не поверил этому. На такого человека просто сказали бы, что он не в своём уме. К большому сожалению, перемены в стране пока идут в этом плане не в лучшую сторону, и сеть детских домов становится всё шире. Вот и в Надыме с сентября 1996 года создано такое учреждение народного образования. Оно возникло не на пустом месте, а пришло на смену детскому приюту, существующему к тому времени уже полгода. С 8-го декабря 1998 года это самостоятельная структура со своим юридическим лицом, балансом и расчётным счётом, подчиняется она непосредственно мэрии.

Какова же причина приезда Татьяны Павловны на предприятие «Ямбурггаздобыча»? Вот как она объяснила это, счастливо улыбаясь: «На сегодняшний день мне судьба подкинула большой подарок – я приобрела на Ямбурге новых друзей. А получилось всё чисто случайно. Мы написали письмо на имя генерального директора Александра Георгиевича Ананенкова, где подробно рассказали о нашем детском доме. Надо сказать, ответ не заставил себя долго ждать, хотя, если признаться честно, мы были удивлены и обрадованы – не ожидали, что он так быстро откликнется: „Выезжайте срочно, мы вам выделяем...“ И вот я тут, чтобы забрать всё то, что нам презентовали спонсоры. Предприятие подарило нам безвозмездно три великолепных набора мягкой мебели, два кухонных гарнитура, телевизоры с подставками, ткань, посуду, электрические плиты с духовым шкафом – это я просила для наших занятий по кулинарии. Директорский пульта для оперативного решения вопросов, очень много всяких хороших вещей по электрической части: провода, плафоны, патроны, розетки и так далее, вроде всё это мелочи, а на это уходит так много денег. На прощание Александр Георгиевич сказал, что это только начало нашей совместной деятельности, мы должны приезжать на Ямбург, чтобы постоянно работать с ними. Они обещали помогать нам всем, чем смогут. Столько удивительных людей мне встретилось на Ямбурге. Я настолько заряжена душевным теплом, подзарядилась хорошей энергией от тёплого отношения. Мне кажется, они здесь такие добрые, человечные. Может быть, тема сиротства трогает всех. Большое спасибо коллективу „Ямбурггаздобыча“ и его руководителю от всех наших детей. Ребятишки будут очень рады, когда я приеду и им всё расскажу».

Не удивительно, что Татьяна Павловна светилась вся, когда поведала мне об этом замечательном событии для её детского дома. Но всё-таки, как же живёт этот коллектив, чем занимаются дети в свободное от учёбы время, откуда приходит помощь, какие проблемы стоят перед ними? Обо всём этом директор говорила подробно, заинтересованно, чувствовалось, что для неё это не просто работа, а родной дом.

Сама Татьяна Павловна на севере уже 14 лет, из которых десять она прожила в Старом Надыме. Там она поднимала с нуля Дом творчества, и этот опыт пригодился ей, когда её пригласили работать в социально-педагогический детский приют, в котором тогда насчитывалось 18 человек. «Предпосылкой для его возникновения в городе было очень много, – рассуждает Татьяна Павловна. – Забастовки, невыплата зарплаты. Молодые семьи рушатся, браки распадаются. Отец уходит из семьи, мать запивается, а ребёнок остаётся брошенным.

Теперь у нас 40 детей, из них половина коренной национальности. Ребятишек брали с двухлетнего возраста. А Сашу Анагуричи мы выходили всем коллективом с 1,5 лет. Буквально все ребятишки были няньками. Сейчас это наш всеобщий любимец. В этом году два выпускника, которым уже исполнилось по 18 лет: Маша Дегтярёва и Коля Горбунов, пошли учиться в ПТУ. Кстати, дети у нас не только из города, но и из Надымского района, есть четыре девочки Кульмаметьевых из Салехарда, две девочки уренгойские: Няданги Вика и Валерия. Лёня Ядне прибыл к нам из посёлка Ныда, сейчас он учится в седьмом классе. Вы даже не представляете, как он талантлив. У него целая тетрадь стихов и одно из них он посвятил своей воспитательнице, где называет её „мамой“. Это вот как раз то, ради чего мы трудимся – признание детей».

Вообще в детском доме большой педагогический коллектив, в который входят два социальных педагога, психолог, врач-педиатр, две медсестры, библиотекарь, пять воспитателей.

Очень хорошее решение было принято управлением народного образования города Надыма под руководством Л. С. Тарабаринной, чтобы дети не были изолированы, а ходили в нормальную школу. Старшие посещают вторую медицинскую школу, которая является оздоровительным центром. Там с ними занимаются педагоги-логопеды, психиатры, вообще, там очень хороший медицинский персонал. Младшие учатся в посёлке аэропорта, где расположен детский дом. Татьяне Павловне часто задают вопрос: «А как относятся горожане к вашим детям? В школах их не бьют?» На это она всегда отвечает, учителя в школах сумели создать очень хороший микроклимат дружелюбия в классах. Некоторые учителя часто даже берут детдомовских детей на субботу и воскресенье.

Большая проблема – заполнить свободное время детей так, чтобы им было интересно. Когда Татьяна Павловна впервые пришла в приют, то её поразило, что ребятишки маются от безделья. И она сразу же стала работать над тем, чтобы в доме была такая обстановка, когда каждый над чем-то трудится. На сегодняшний день действует программа «Становление» Все педагоги и воспитатели работают по индивидуальным авторским программам. Что это означает? Любое мастерство, которым владеет педагог, он обязан передать детям, поделиться с ними своими секретами: умеешь шить, вязать, печь пироги, строгать и выпиливать – научи ребёнка. Малыши тоже не сидят без дела – что-то рисуют, занимаются аппликацией.

Взять хотя бы Н. П. Кашульскую, про которую директор детдома говорит, что она умелица, самородок. Так вот, она ведёт изостудию, которая носит название «Очень умелые ручки». Из-под рук её воспитанников выходят замечательные картины по ткани, из соломки, различные аппликации из кожи.

На базе детского дома работает великолепная швейная мастерская, в которой девочки под руководством педагога дополнительного образования – мастера швейного дела Н. Л. Санниковой, шьют себе модели по журналу «Бурда моден», «Журналу мод», «Крестьянке» и так далее. На восьмое марта, например, было чудное шоу, где девочки демонстрировали вечерние платья, сшитые своими руками. Они вполне оправдали название своего кружка – «Театр мод».

В детском доме почти все мальчики увлекаются выпиливанием и резьбой по дереву. Вот как это произошло: «Счастливый случай завёл меня однажды в одно из частных предприятий, которое возглавляет В. М. Дудка, – вспоминает Татьяна Павловна. – У него есть какой-то суперлазерный станок, который режет по дереву. Очень много заказов на отделку домов и остаётся масса отходов. Когда я увидела эти отходы, я потеряла голову: „Вы куда это всё несёте?“ Они говорят: „Ну, как куда, сжечь“. – „Как у вас руки-то поднимаются?“ – „А что такое, Татьяна Павловна?“ – „Немедленно сложите назад – завтра мы приедем и всё у вас почистим“. На следующий день мы с ребятишками забрали всё, что могли, а предприятие стало нашим спонсором. Так что различные фигурки, деревянные поделки, рамки – это

всё сегодня мы сами мастерим своими руками, а все стены украшены панно, сделанными руками наших мальчиков».

Летом дети едут в летний оздоровительный лагерь. Перед тем как поехать ребята обычно работают по два месяца по уборке территории города. Начальник муниципального дорожно-транспортного предприятия А. А. Шеслер очень часто даёт возможность заработать детям деньги. Например, в прошлом году на полученные деньги они сумели одеться перед поездкой в Анапу. «Мы ходили по рынку, торговались, нам подешевле отпускали вещи. Они у нас сегодня как джентльмены одеты», – шутит Татьяна Павловна.

Надо сказать, гардероб ребятишек пополняется также и за счёт благотворительности. Горожане очень много привозят одежды, среди которой бывают очень даже хорошие вещи. Что-то в швейной мастерской подгонят, что-то перешьют, а у детей, глядишь, появляются новые нарядные вещи.

Как говорит Татьяна Павловна, «в Надыме нас буквально весь мир поднимает. Например, ещё одна коммерческая структура, которую возглавляет Н. Н. Гоголь, снабжает наших детей сладостями, йогуртами, морожеными, конфетами. Он звонит: «Так, Татьяна Павловна, вы что-то давно не были. Вы что стесняетесь? Ну-ка приезжайте – мои дети, наверно, сладкого хотят». Дети получают хорошую добавку к рациону. Очень много у нас друзей. Я не знаю, почему так, может, место такое благодатное – город Надым, а может быть, мне везёт на людей. Щедрых людей у нас, я думаю, очень много. Вот так посмотришь, вроде бы и не только из Надыма идёт помощь. Недавно, к 25-летию города, одна из тюменских фирм подарила нам автомобиль. Это уже второй, а первый нам подарил Л. С. Чугунов, ещё в бытность генеральным директором Надымгазпрома». Детский дом расположен далеко от города, в посёлке аэропорта, так что детей в школу и сотрудников на работу приходится возить. Мэрия пошла навстречу и выделила автобус для нужд детского дома. Надо сказать, что мэр города В. Н. Ковальчук очень хорошо к нам относится. Благодаря тому, что у нас хорошее финансирование, у детей пятиразовое питание, в том числе овощи, фрукты, выпечка».

Есть в детском доме и «великолепнейшая библиотека, на которую не было потрачено ни одного рубля, так как это тоже дар, пожертвование. Даже книги на ненецком языке есть. Есть у нас и национальные кадры. М. С. Анагуричи – педагог-организатор, Т. А. Пандо – учительница. Они знают свой язык, занимаются с детьми, учат детей плести красивые изделия из бисера и делать вещи из оленьей шкуры. Психолог И. Н. Пэдаранхасово после окончания с отличием Санкт-Петербургского педагогического университета имени А. И. Герцена» работает в детском доме психологом.

Приходится Татьяне Павловне решать и, казалось бы, совершенно неожиданные проблемы: приватизировать и сдавать в аренду квартиры в пользу детей, если родители умерли, заключать договоры, чтобы у ребят была своя жилая площадь, когда они выйдут из детдома. Может быть, к тому времени и какая-нибудь сумма в банке появится, чтобы было с чего начинать самостоятельную жизнь. Дай Бог, чтобы в стране была стабильность, и очередной катаклизм не лишил их всего накопленного.

Обеспокоена Татьяна Павловна тем, что вроде бы есть мнение перевести детский дом куда-то под Тюмень. Вроде и содержание там обходится дешевле и ребятам будет лучше. «Зачем рушить такой прекрасный дом в городе Надыме, где есть помощь и поддержка от населения, от различных коммерческих и других организаций, когда отлажены какие-то связи и даже появился такой мощный спонсор – предприятие «Ямбурггаздобыча», – сокрушается и возмущается Т. П. Гнённая. «Конечно, зачем же детей отрывать от родной земли», – соглашаюсь я с ней.

Вот такая встреча произошла у меня на земле Ямбурга, где под свист пурги и завывание бури мы рассуждали с Татьяной Павловной Гнённой, директором Надымского детского

дома, о вечном, о доброте и душевной щедрости людей. Сошлись на абсолютной истине, дети – наше будущее, какими мы их вырастим, что зложим в них в детстве, то и получим взамен, когда они будут взрослыми. Пусть не повезло ребятишкам в жизни, и они оказались в детском доме, но надо, очень надо, чтобы они чувствовали, они не одиноки в этом мире, у них есть мудрые воспитатели, у них есть благотворители-спонсоры, среди которых немаловажная роль принадлежит коллективу предприятия «Ямбурггаздобыча».

8 апреля 2000 года. Ямбург

В гостях у Анны Неркаги

(из полевого дневника 1991 года)

16 августа. В наш музей пришли не совсем обычные посетители, двое из которых оказались французскими фотожурналистами из газеты «Либерасьон» – Франсуаз Угье и Франк Делпак, а третьим – переводчик Виталий Саморуков. Цель их экспедиции – сделать фотоальбом по Полярному кругу. В первую очередь, их интересовала жизнь аборигенов – коренных жителей Арктики. В этом году они приехали на разведку, а всю основную работу решили делать в следующем году. У меня они просили консультаций и помощи. Я, естественно, откликнулась на просьбу и посоветовала съездить в стойбище ненцев, кочующих по Полярному Уралу, в котором живет известная ненецкая писательница Анна Неркаги. Мне, конечно, и самой очень хотелось побывать у Анны, а добраться до нее можно только пешком или на вертолете. Правда, в этом время года там часто бывают туманы. Недавно Анатолий Омельчук, председатель областного комитета по телевидению и радиовещанию, четыре дня пропылесосил к Анне и не смог улететь – не было погоды. Но попытаться-то можно.

17 августа. Наша экспедиция летит на Полярный Урал. Совершаем посадку в Лаборовой, забираем старшую сестру Анны – Галю с дочкой Леночкой и других родственников, которые тоже хотят побывать в стойбище. Следующее приземление – около озера, где проводят лето Иван (ненецкое имя Саворко) – брат Анны и его жена Марфа. Они в этом году остались на летовке, чтобы пошить новую одежду, подремонтировать зимние нюки и караулить нарты-вандеи, нагруженные всяким скарбом, который не понадобится во время летнего кочевья. Раньше их можно было оставлять на заметных местах без присмотра. Теперь это делать практически невозможно. В округ пришла промышленная цивилизация со всеми своими пороками и изъянами. В большинстве случаев, она даже не замечает ту самобытную цивилизацию, которая издавна существует на этой земле и, не задумываясь, растаптывает ее железным башмаком...

...Место, где стоит чум Иван и Марфа, очень красивое. Довольно большое озеро, в котором водится рыба, кругом – красивая лесотундра. Очень жаль, нет времени, и мы не можем остаться здесь на более долгий срок. Забрали Ивана в качестве проводника, и вертолет поднялся в воздух. Ещё перед отъездом из Салехарда Игорь Борисович Чмырёв, инженер отдела ПАНХ Салехардского авиапредприятия, предупреждал, погоды в горах нет, и не предвидится. Но я всю дорогу молилась (есть у меня такая заветная молитва, которая часто выручает меня в трудную минуту) ... Летчики запрашивают погоду и, буквально на грани проходимости, мы пролетаем над долиной реки Щучья до стойбища Анны.

В Салехарде с нами напросился лететь Гавриил Лагей. Он уроженец Байдарацкой тундры, окончил Кировское училище искусств, а сейчас учится в Ленинградской консерватории. Лагей очень талантливый парень, я слышала его выступление ещё тогда, когда он был простым школьником из Белоярска. Наверняка, это наша будущая знаменитость. Гавриилу очень хотелось побывать у Анны, покочевать по тундре, но, прилетев в стойбище, почему-то передумал и вернулся обратно. С одной стороны это очень хорошо – не дай Бог, если бы он простудился и с его голосом что-то случилось.

Неприветливо встретила нас Анна, бросала на меня гневные взгляды: мол, опять прилетела не одна, а с толпой, добавила ей забот и хлопот в ее нелегкой тундровой жизни. А тут еще на следующий день на новое место кочевать надо. Перекочевка предстоит трудная: нужно через реку Щучья переправиться, а потом – крутой подъем в горы. И она показала, куда нужно будет кочевать. Да... высокогато! Но потом Анна смиловилась, улыбнулась, и у меня отлегло от сердца. Я и возразить-то ничего ей не могла, потому что она

права. Была бы я одна – один разговор, а то нас четверо, и, притом, двое – из чужой страны. Я и сама сомневалась, как-то они будут себя вести в тундре?..

Анна объяснила вертолетчикам, как и где нас искать через пару дней, и они улетели, забрав Лагея, Ивана и других родственников Анны. Галя с Леночкой остались с нами в стойбище. Для французов и Виталия поставили палатку, а я все время ночевала у Анны в чуме.

Пока не пришло стадо, Анна предложила сходить к озеру Большое Щучье, потому что завтра мы откаслаем и сюда уже больше не вернемся. Мы, конечно, с энтузиазмом согласились. Я очень много слышала об этом озере, о его красоте, чистоте, неповторимости. Озеро не обмануло наших ожиданий.

На его берегу стоят балки Владимира Захаровича Якуненко – Беспалого – так его зовут ненцы. Он живет здесь уже семнадцать лет, у него сложились дружественные отношения с ненцами, кочующими около озера. Беспалым его зовут потому, что у него нет пальцев: видимо, отморозил...

Вообще-то, это подбаза Полярно-Уральской геологоразведочной экспедиции, расположенной на 110 километре железной дороги Воркута-Лабатнанги почти на границе Европы и Азии. От озера до Байдарацкой губы – 230 километров, до базы – где-то 140. Тут проходит вездеходная дорога. Водители останавливаются в этом месте, чтобы передохнуть после трудного пути. Здесь есть банька, кровати, застеленные чистым бельём, радиоприёмник. Для обслуживания этого контингента людей и живёт на подбазе Владимир Захарович.

Легендарный человек – Беспалый, куда-то отлучился, мы застали лишь его собаку, которая увязалась с нами и не только провожала до самого стойбища, но и вообще осталась на всё время нашего дальнейшего путешествия.

На пути нашего следования мы увидели много куропаток и других птиц, собирали грибы и ягоды: голубику, бруснику, шиповник. По дороге форсировали вброд бурлящий горный ручей. Для этого пришлось снимать обувь. Вода не просто холодная, а прямо-таки ледяная. Из озера Большое Щучье берет начало речка Щучья, в которой водится восхитительно вкусная рыба хариус. Вечером Анна угощала нас этой рыбой, приготовленной по её собственному рецепту прямо на костре. Вкуснотища – пальчики оближешь!

Пока мы ходили к озеру, прошло часа два. Пастухи уже пригнали стадо в стойбище, и французы буквально не могли оторваться от оленей. Они фотографировали их во всех видах и со всех сторон до самой темноты. В стаде около двух тысяч голов. Это совсем немного для пяти семей. Кстати говоря, у ненцев не принято считать оленей, иначе это принесёт несчастье. (В повести Анны «Белый ягель очень хорошо написано про это).

Всего в стойбище три чума. Там, где обитаю я, живут Анна с Александром (ненецкое имя Вэсако) Тайбери и её племянник Петя – сын старшей сестры Гали. Она воспитывает его с четырёхлетнего возраста. В другом чуме живут родители Саши: Павел Степанович и его жена Савоне, Алексей и Гаврила, младшие братья Саши, и жена Гаврилы Марина с сыном Витей. В сентябре они ожидают ещё пополнения семейства. Хозяева третьего чума – брат Анны Василий с женой Валеёй и отец Анны Павел Иванович. (Ненецкое имя Себеруй. Это он выведен одним из героев её повести «Анико из рода Ного»).

Я прошла по всем трём чумам и раздала приготовленные подарки: мёд, конфеты, колокольчики, платки, носки и т. д.

Сегодняшний день показался очень длинным, наполненным всякими событиями, встречами, знакомством с новыми местами. Завтра предстоит трудный день – перекочёвка.

18 августа. Сразу после завтрака стали собирать аргиш. Разобрали чум, упаковали все вещи на нартах. Я вроде бы тоже пыталась чем-то помочь. Согнали оленей в своеобразный кораль – их сдерживала натянутая вокруг веревка, которую мы все держали. Выбрали оленей для упряжек, запрягли и поехали, но тут хватились, что нет авки. Звать её Беда или Вотена – от восклицания: «Вот те на! Как говорит Анна, с ней вечно приключаются всякие несча-

стья. Все аргиши уже начали каслать, а Анна с Сашей пошли её искать. Они обнаружили её в кустах неподалёку от места стоянки. (Через год Беду загрызли волки. Анна сильно переживала эту потерю. Она в буквальном смысле слова выкармливала оленёнка с ложечки. Так привязалась к нему – и вот такое удручающее происшествие).

Имущество чума Анны уместилось на нартах трех аргишей, которыми управляли, соответственно, Саша, Анна и Петя. В каждой аргише три-четыре нарты. Груз на нартах не очень большой – 40—50 килограмм, с большим весом оленям будет тяжело подниматься в гору. Наша примкнувшая к оленеводам экспедиционная группа шла пешком. Правда, один раз мне доверили хорей и переднюю упряжку, но олени мигом почувствовали неопытную руку – нарта налетела на камень и поломалась...

Итак, мы переправились через реку. Лес здесь был невысокий, но когда поднялись на гору, то там оказались только каменные россыпи, стелющаяся карликовая березка, мхи – и все. Зато вид с горы открылся потрясающий: горы Полярного Урала во всей красе, внизу вьется река Щучья! А вот и ее исток – озеро Большое Щучье. И все это сверху, с высоты птичьего полета, производит неизгладимое впечатление и навсегда остается в памяти.

Трудно описать словами своеобразную красоту Полярного Урала. Первозданная суровость заставляет задуматься о вечности. Поневоле отмечается все суетное, временное, чем мы, как правило, живем. Здесь ощущаешь себя то маленькой и беспомощной перед этим величием, то вдруг вырастаешь до них, до этих гор – и, вместе с ними хочешь додумать их вечную думу. Не знаю... мне это сложно объяснить, но я очень люблю Полярный Урал. Может быть потому что я сама – с Урала, правда, среднего... А тут еще и это великолепное озеро – синее, глубокое, в обрамлении скал!

Добрались до места стоянки уже затемно, минут за 20 поставили чум. Анна разожгла костер. Быстро закипела в чайнике вода, и вот мы уже пьем ароматный напиток. Правда, утром обнаружилось, что в темноте выбрали не совсем удачное место для огня. Оно оказалось в ямке, а нужно, наоборот, повыше, чтобы в случае дождя не залило водой.

Сразу после ужина Саша уехал на упряжке на дежурство в стадо.

19 августа. Рано утром пришел Саша с дежурства, включил приемник – кстати, он единственный в стойбище – и мы услышали сообщение о создании ГКЧП и его обращение к советскому народу: в нем говорилось, что Горбачев, якобы, заболел, а Янаев взял власть в свои руки. Вместе с ним Павлов, Язов, Стародубцев, Бакланов, Худаков и Крючков. Потом Язов как бы отказался... Мы сразу же решили, что это переворот, хотя об этом не говорилось ни слова.

Надо было видеть лицо Виталия, когда ему это сообщили! Чтобы лучше слышать, мы приставили к чуму хорей, на него накинута проволока-антенну. А если учесть, что мы находимся высоко в горах, то мы слышим, практически все радиостанции мира. А состав нашей экспедиции такой, что мы можем общими усилиями понять сообщение на любом языке. Поэтому мы оказались очень информированными людьми. Целый день ловим радиопередачи из Парижа, Би-Би-Си и других радиостанций, советское радио, кроме официального сообщения, ничего не передавало. Корреспонденты иностранных радиостанций сообщают: в Москве – танки, в Ленинграде – танки. Независимое радио, куда были приглашены журналисты Нуйкин и Щекочихин, «вежливые молодые люди прикрыли...

...11 часов дня. Ельцин сделал заявление о незаконности нового правительства...

...13 часов дня. В эфире постановление законного правительства о неподчинении на территории России новому правительству. ГКЧП, в свою очередь, предупреждает Ельцина об ответственности за такое «подстрекательство»...

...Вокруг парламента России собралось много москвичей, они бросаются на танки. Женщины уговаривают солдат не стрелять в мирных людей...

Весь день проходит в тревоге. Французы думают, сегодня за ними КГБ пришлёт вертолет, могут отнять пленки, а если не отберут, то вполне могут засветить. Ннужно лететь в Москву, запечатлеть путч.

А дела в стойбище идут своим чередом. Забили пару оленей, разделали, и тут же на нарте ели свежее мясо с кровью. Франсуаз тоже попробовала – говорит, что вкусно.

Вертолётa нет. Французы очень много снимают.

20 августа. Снова с самого раннего утра слушаем радио. Приемник перенесли в палатку, удлинити хореем антенну и слушаем, практически, без перерыва, в особенности, Виталий, который почти не вылезает из палатки.

...Миттеран и Буш не признают путчистов. Перестали выдавать визы на выезд за границу. Плакала наша Канада! Дело в том, что 3-го сентября мы с Владимиром Михайловичем Гущей, начальником окружного управления культуры, должны ехать с выставкой нашего музея в Торронтo. В этом канадском городе в научном центре «Онтарио» открывается 13 сентября выставка «Сибирь: за выживание». В ней будут принимать участие музеи из Архангельска, музей «Арктики» из Ленинграда, клуб «Переключение» международного бюро «Спутник». Выставка организована по инициативе участников экспедиции 1988 года «СССР – Северный полюс – Канада, руководитель Дмитрий Шпаро. Там будут представлены экспонаты и нашего музея: этнография, чум в натуральную величину, 501-й стройка.

...50 танков идёт к Киеву, 180 танков направляются к Ленинграду. За Горбачёвым в Форос (он отдыхает в Крыму) идут два военных судна. Он на военной базе в Севастополе...

...По радио передают очень много слухов. Говорят, что Горбачев – в Москве... А мы слушаем эту информацию, волнуемся и переживаем... Виталий говорит, если бы он был в Москве, то был бы вместе со всеми на баррикадах около Белого дома...

Сегодня дежурит Саша, но олени почти все время около чумов – стоит теплая солнечная погода.

Снова радио. ... Три батальона, артиллерия, десант – за Ельцина...

Очень тревожусь за своих. Как идут дела в Салехарде, как дома, как в музее?..

Анна вчера сшила Франку красивые тапочки – теперь ему будет, в чем гулять по Пигалю (он живет в Париже на этой площади). Сейчас Анна шьет тапочки для Франсуаз – нельзя отпускать гостей без подарка. Активно обсуждаем происходящие в стране события. Вертолётa сегодня тоже нет. Только гудят высоко в небе самолёты. Где-то здесь, над нами проходит воздушная международная трасса. Значит, жизнь ещё не кончена!

21 августа. Анна закончила мастерить очередные тапочки. Они получились тоже отменными. Ну, Анна, ну и мастерица! Поистине, если Бог дает талант, то уж во всем. За что ни возьмется Анна, у нее все получается отлично. Даже умудрилась что-то вкусное спечь на костре.

Сегодня уже ждем вертолет – не от КГБ, а тот, который мы заказывали на этот день, чтобы улететь обратно в Салехард. Погода вроде бы нормальная. Но, может быть, политическая обстановка все еще сложная?

...Что-то говорили по радио о политической забастовке летчиков. Слушаем различные радиостанции. Ночного штурма парламента России не было. Вокруг Белого дома – бывшие афганцы, ОМОН, войска, перешедшие на сторону Ельцина... Началась сессия Верховного Совета РСФСР. Путч осужден. Путчисты пытаются скрыться. На сессии эйфория от победы, но раздаются голоса, что необходимо не терять бдительности. Отмена ГКЧП! Ура!!!...

Кстати, в первый же день путча я спросила у Франсуаз, которая, оказывается, была свидетелем переворотов в трех странах: сколько может это продлиться? Она ответила, не больше недели. Оказалось – и того меньше...

Неожиданно обратила внимание – у Гали появилась в волосах белая прядь. Оказывается, кто-то сказал ей, что в связи с происходящими событиями ребят могут забрать в армию. Она испугалась за своих сыновей – и вот результат.

...Сегодня снова зарезали важенку, у нее болела нога. Пытались лечить, но... бесполезно. А другого оленя я помогала держать, пока ему обрабатывали рану, но медик из меня – никакой, я совершенно не могу смотреть на страдания другого существа: будь то человек или животное, мне их ужасно жаль

Отрезали рога хорам-быкам, скоро будет время гона, и рога будут им мешать. Вернее, они могут ими поранить друг друга. Всего хоров (быков-производителей) 15 штук на стадо. Часть быков кастрировали.

У оленей начинают облезать рога. Кровавые клочья шкурок свисают с них. Некоторые из них очень длинные, тянутся почти до самой земли и, видимо, мешают им. Видок у животных, прямо скажем, не для слабонервных. Чтобы быстрее освободиться от этого безобразия – кровавых полосок шкуры и, таким образом, снова приобрести приличный вид, олени чешутся рогами обо что попало.

Живем среди обычных дел: приготовления пищи, шитья, сбора ягод. Между прочим, мы съели почти все ягоды, заготовленные Анной впрок. Хотя, если честно говорить, то в основном-то на них налегает Франсуаз. Я ем только то, что собираю сама. Заготовка дров превратилась в проблему, кругом – пусто и голо, приходится гоняться за каждым прутиком. За ветками для костра ездят на нартах далеко отсюда. Носим воду. Это совсем не то, что на Щучьей. Здесь бежит маленький ручеек, и чтобы набрать полное ведро, надобно терпение.

Жизнь в тундре легкой не назовешь. Но я все равно рада, что мне удалось выбраться к Анне. Мы постоянно общаемся с ней. Конечно, я задаю ей множество вопросов. Мне хочется узнать и понять как можно больше в кочевой жизни. Вот, например, ответ Анны на один из моих вопросов, в каких случаях приносят оленя в жертву.

«... Для добрых духов оленя забивают около священной нарты не менее раза в год – летом, во время солнцестояния – в июне. Для злых духов около поганой нарты – в декабре. Мясо жертвенного оленя сразу не едят. Разделяют его и ждут, когда поедят духи-боги...

В месяц Большой Темноты (в декабре) приносят жертву НГА – злему духу из Нижнего мира, у носа поганой нарты. Он, по преданию, ходит на месте покинутого стойбища и смотрит, что ему оставили люди, помнят ли о нем, почитают ли Духа Смерти. Каждый человек должен подготовиться к смерти, потому что смерть – начало другой жизни... И очень важно, с чем, с какими мыслями придёт к ней человек. Кровь оставляют на снегу. У носа нарты должны быть следы костра, то есть должно быть ясно, человек сидел, варил котёл с олениной и думал о смерти.

Если же бедный человек не может принести в жертву даже старого оленя, то он должен хотя бы сварить рыбу, голову щуки или, на худой конец, забить старую собаку. НГА благодарит ту семью, где помнят о нем, и не желает им зла. Но если он не найдет ничего в месяц Большой Темноты – ни крови, ни жертвенного кострища, то он идет по следу, по запаху людей. И будет очень плохо, если у женщины вдруг выпадают вещи из нарты по дороге или у кого-то другого: по преданию, этот человек может умереть, если шаман не поможет.

К примеру, у человека сильно заболела голова, и тогда к нему везут шамана. Он узнает причину болезни, но это может получиться и не сразу. Тогда он ложится рядом с больным и во сне видит, предположим, человек не почитал Духа Смерти. Шаман советует семье: надо забить оленя у носа поганой нарты. Если НГА простил, то наступает облегчение, если нет – человек умирает... Шамана необходимо отблагодарить. Лучше всего, если он получит оленя, но можно дать и что-нибудь другое.

После похорон, если женщина остаётся одна, нужно поставить у входа еду – для покойника и положить поперёк входа нож, чтоб он не вошёл в чум. Желательно иметь зуб медведя, а в руках спички, покойники боятся огня».

Я подробно расспрашиваю Анну и записываю всяческие сведения в дневник. Пусть многие описания есть у путешественников и исследователей, но живое слово ещё никому не повредило. Конечно, в моём пересказе почти исчезает тот удивительный колорит, который присутствует в повествованиях Анны. А может быть, восприятию помогают сама природа, треск горящего огня, обстановка чума, звуки, доносящиеся с улицы. Я не устаю слушать Анну, прямо-таки внимать ей.

«Открывают священную нарту и выставляют изображения богов в особых случаях. Можно по такому поводу выпить бутылочку – вместе с богами. Недаром раньше в тундре считали водку огненной, священной водой, ее употребляли очень редко. В священной нарте лежат вещи, принадлежащие мужчинам. Женщинам нельзя находиться за спиной священной нарты и даже подходить к ней».

Мы один раз наблюдали такую картину. Саша пришёл с дежурства, а в чуме спать было очень дымно. Тогда он надел малицу, улёгся около священной нарты прямо на голую землю и проспал так несколько часов. Этим он очень удивил французов, конечно, не тем, что спал, а тем, где спал.

«На поганой нарте лежат доски-латы, которыми застилают пол, тазики, бачки, вёдра, подстилка-хунер, сплетённая из веток и т. д. Женские вещи: кисы, чижи, старые ягушки и т. д. кладут справа от входа в чум», – Анна, не торопясь, посвящает меня в тонкости бытовой жизни чума. Прошу её описать обряд ненецкой свадьбы. Я читала про это у многих этнографов, но всё равно любопытно, как об этом поведает Анна. Вот какая короткая запись осталась в моём дневнике.

«Свадьба. Сваты приезжают в чум к родителям невесты и сговариваются о женитьбе. Через год снова встречаются и окончательно обговаривают стоимость возмещения приданого невесты. В данное время это составляет от 12 до 30 оленей. (Это к вопросу о калыме, о котором так много говорят. Ведь невесте дают, как правило, богатое приданое: меховую одежду, нюки, подушки, постель и т. д. А взамен жених отдаёт оленей. Всё правильно, всё по справедливости. Прим автора). Назначают день свадьбы. Девушка не должна присутствовать при этих переговорах. Теперь немного о самом церемониальном событии. Гости едут в стойбище невесты на нескольких упряжках. Их нарты украшены цветным сукном, олени тоже наряжены. У оленей красивая упряжь со свисающими оранжевыми замшевыми полосками, на спине укреплены широкие полосы сукна с национальным узором. Сами гости тоже в нарядной одежде. Приехав в стойбище, они объезжают вокруг чума. После этого мужчины пытаются прорваться туда. Они стремятся просунуть какой-нибудь подарок, платок, меха и т.д., но женщины требуют ещё чего-нибудь. (Вечно этим женщинам не угодишь! Всё им мало, мало. Прим. автора). Начинаются игры. Через день-два свадебный кортеж направляется в стойбище жениха, и там продолжается свадьба».

Сейчас приведу ещё заметки по поводу устройства Аннинного чума и некоторые подробности, которые она мне при этом сообщила.

Шесты бывают летние и зимние. Летние – более тонкие, зимние – потолще, в этот период года нагрузка на них гораздо больше. Заготавливают их обычно в марте, когда день становится длиннее. Перед использованием сушат. Чтобы поставить чум, связывают вместе верхние концы двух или трёх шестов, поднимают и устанавливают, чуть-чуть воткнув в землю. А потом сверху кладут шесты в определённом порядке, следя за тем, чтобы нагрузка распределялась равномерно. Вход – на восток, причём учитывается роза ветров в этой местности. Ширина входа примерно метр. Нюки накладывают поверх шестов справа налево, чтобы правой рукой было удобнее открывать и откидывать нюк.

Если дует с гор – самый сильный ветер западный – то внутри чума верхнюю часть шестов, захватывая их штуки четыре, укрепляют доской. Подпирают её с обеих сторон два шеста, которые упираются в землю. (Позднее мне пришлось это видеть собственными глазами, когда наш чум буквально сотрясало под порывами мощного урагана).

Вытяжная труба от железной печки устанавливается вместе с тремя шестами, которые являются опорными при установке чума. В ненецких чумах печка обыкновенно устанавливается только зимой. Отверстие вверху чума летом больше, зимой поменьше. В настоящее время часто можно встретить своеобразное окно, которое делается в крышке чума из какого-нибудь прозрачного материала, например, из полиэтиленовой плёнки.

Детская люлька слева от входа (в некоторых чумах я видела и справа, в соответствии с тем, где живут молодые супруги). Священная нарта располагается в метрах четырёх-пяти позади чума. Старики обычно живут на левой стороне чума, а молодые – на правой. Женские амгари – слева от входа, дрова справа (я видела и наоборот), а зимой их кладут вокруг симзы (центральный, священный шест) или вокруг печки, чтобы обсыхали. Два горизонтальных шеста (по-ненецки они называются «ти») на высоте человеческого роста прикрепляются к шестам у входа и к шесту-симзе. За шестом-симзой стоят обеденные столики, там же хранятся продукты.

Подстилка из веток («хунер») кладётся прямо на голую землю или на снег, сверху – подстилка из соломы («лумбене»), потом оленьи шкуры («постель»). Когда ложатся спать, то кладут ещё дополнительные шкуры, укрываются ягушками или меховыми одеялами. Под печку подкладывают лист железа, установленный на толстых палках длиной один-полтора метра. Отверстие печки приходится как раз напротив входа. Половые доски («латы») зимой кладут непосредственно на снег. Когда чум долго стоит на одном месте, то полы начинают прогибаться, потому что снег под ними, естественно, начинает подтаивать.

Нюки поверх шестов укрепляют верёвками, зачастую их роль выполняют тынзяны (арканы, сплетённые из оленьей шкуры). Сверху крышек ставят нарты и шесты, чтобы нюки меньше парусило при ветре. На изготовление нюков идут шкуры двух-трёхгодовалых быков, потому что шкура у них уже покрепче, чем у молодых и, само собой разумеется, дольше служит. Шерсть на крышках для облегчения подстригают. Тогда они меньше забиваются снегом. На хорошую меховую крышку идёт около тридцати шкур. Чтобы чум был хорошо утеплённым необходимо иметь четыре нюка, на которые расходуется от 120 до 150 шкур. При хороших условиях обихода и хранения крышка может служить от 20 до 30 лет. Безусловно, надо вовремя сметать снег, стараться нюк не мочить и т. д. Когда верхний нюк вытирается, его уже кладут вниз на самые шесты. Когда на нём совершенно не остаётся меха, его используют в качестве летней крышки чума.

Для покраски замши (выделанной и обработанной шкуры оленя) используют природные краски из различных трав, коры деревьев или камня. «Нявой» – новая замша, которую не успели прокоптить. Шкуры коптят внутри чума, засовывая за шесты, поэтому летом почти постоянно горит в чуме дымный огонь.

...Многое мне рассказала Анна, не все мне было понятно, но я очень надеюсь, что вернусь когда-нибудь к ней, и мы продолжим эти удивительные беседы у костра.

Сегодня вертолёт опять не прилетел.

22 августа. Снова слушаем радио. Горбачев в Москве. Его привезли вчера вечером. Он провёл пресс-конференцию. Мне она не понравилась – неужели он так ничего и не понял?!

...В стаде потерялось трое телят. Матери-оленухи их искали. Искал и Саша, это случилось в его дежурство. Видимо недалеко волки. Когда я спросила, что же теперь делать, Саша в ответ спокойно произнёс: «У волков и медведей ведь нет своего стада, а кушать они тоже хотят, так что нужно делиться с ними». ... Надо же, какой мудрый ответ. Меня он просто поразил, заставил на многое посмотреть другими глазами.

...Идет дождь, туман. «Саурей» – так называют ненцы самую высокую вершину гор, покрыт туманом. Уже были заморозки. Франк и Петя ходили на охоту. Петя убил из самодельного лука зайца, а Франк – куропатку. Франка все полюбили в стойбище за его веселый нрав, а Петя так вообще не отходит от него ни на шаг!

Французы дали сегодня банкет: приготовили обед из своих пакетов. Пили чай за победу демократии.

Собаки жмутся к теплу – быть холодам. Пару слов о собаках. Они – большие труженики в тундре. Без них оленеводу было бы сложно окарауливать стадо. Северные ненецкие лайки совсем маленькие. Их очень берегут. Кстати, собака Беспалого так и живёт с нами. Местные псы не очень-то жалуют беднягу, хотя по размерам он крупнее оленегонных собачек. Постоянно между ними идут свары.

Начали расцветать горы. Это совершенно необычное красочное зрелище: коричневые, сиреневые, фиолетовые, красные мхи и лишайники разукрасили склоны гор. Цвета меняются каждый день. Уже осень, здесь она наступает раньше, чем внизу у подножия гор.

...В Москве митинг. Площадь около парламента названа площадью Свободной России. Ликование...

А вертолета опять нет. Это уже совсем нехорошо.

23 августа. Ветер дует с севера. Холодно. Снова с надеждой ждём вертолётa. Франсуаз все время много фотографирует: и оленей, и чумы, и ненцев. Петю, разделяющего зайца. Если не прилетит вертолет, то будем обедать супом из зайчатины. Французы совсем приуныли. Франсуаз должны быть уже в Париже – там ждёт её племянник, приехавший из Африки. Она воспитывает его.

Мужчины опять ходили на охоту. Добыча – всего один заяц. Да, Петя всем даст фору со своим луком.

Становится холодно. Дрова, то есть ветки, совсем сырые. Сильный ветер и дым ужасно ест глаза, а вне чума – холодно и неприятно. Терпи, Людмила!

24 августа. Утро. Вертолётa, как не было, так и нет. Франсуаз приболела. Франк пришел в чум совершенно замерзший, отогрелся и заснул. Дело в том, что они неправильно поставили палатку, и в нее сильно задувает. Им отдали в палатку все шкуры, какие только нашлись в стойбище. Ведь это же летние чумы, и в них почти ничего лишнего нет...

...Мужчина стойбища совещаются, как быть с нами. Им нужно каслать дальше. Вчера Вася был у Беспалого, и тот сказал, 21 августа был вертолет, но летчики побоялись лететь в горы. Через два дня будет вездеход, поэтому хозяева решили проводить нас до озера Большое Щучье, к дому Беспалого. Нарту с вещами повезёт Петя, а наша компания во главе с Анной пойдёт пешком. Саша остаётся сторожить стадо. Опять дует сильный ветер, моросит дождь.

Последний раз послушали радио. В Москве траурный митинг – трое ребят погибли во время путча около Белого дома.

Тепло прощаемся со всеми остающимися в стойбище. Долго идем под пронизывающим ветром, и вот снова видим внизу озеро. Петя не смог найти спуска к озеру на нартах, и пришлось нам тащить вещи на себе. Хотя это был спуск под гору, но все равно неудобно и тяжело... После горной тундры растительность лощины показалась нам роскошным лесом. Зайцы бегают под ногами, ягод полно! А дров-то, дров-то сколько! Какой костер можно запалить!

Пришли к озеру в 6 часов. Чем ближе к нему подходили, тем сумрачнее становилась Анна. У нее свои счеты с озером. Ведь здесь погибла первая жена Васи, но Анна считает, озеро должно было взять ее, Анну. Она говорит, что обладает звериным инстинктом к опасности.

...В тот день, три года назад, они плыли на резиновой лодке по озеру – ловили рыбу с отцом. И вдруг ей стало страшно. Инстинкт предупреждал – беги отсюда, не переплывай эту часть озера! И она убедила отца – они вернулись, ... Стойбище стояло тогда на самом берегу этого озера. А утром, когда все проснулись, увидели платёе невестки недалеко от берега. Озеро взяло-таки свою жертву, ... С тех пор они никогда не выходили к этому озеру, каслали далеко отсюда, к берегам Байдарацкой губы. Только в этом году они остановились здесь, но и то поставили чумы не на берегу, а в километрах двух-трех от него. Почему же озеро потребовало себе жертву? Все знают, каждый год на озерах и реках тонут люди...

«Во всяком случае, – сказала Анна, – я не помню ни одного года, чтобы кто-нибудь не утонул. Ненцы считают, это – жертва, которую мы, люди, должны отдавать воде за взятую у нее рыбу. Добровольно мы эту жертву не приносим, поэтому вода берет жертву сама. И вообще, как говорят ненцы, к воде нужно относиться уважительно: не обижать её, возвращать ей долги...»

А вот какую старинную легенду рассказала мне Анна об озере Щучьем:

«... В этом озере никто никогда не ловил и даже не видел щук. Так почему же его назвали «Щучье»? А вот почему.

Одна ненецкая семья жила на берегу этого озера. Отец охотился, ловил вкусную рыбу. Жизнь текла своим чередом. У охотника был сын. Мальчику было около трех лет. Он очень любил играть на берегу озера, что-то строил из песка, собирал красивые камешки. И вот однажды, когда отец в очередной раз ушел на охоту, мальчик вышел из чума и стал бросать в озеро камешки, делая это долго и со злостью. Обиделось озеро на мальчика за такое неуважительное к себе отношение и бросилось на него в виде большой зубастой щуки...

Когда отец вернулся с охоты, он не нашел сына в чуме. Долго искал он мальчишку, кричал, звал его, но все было напрасно... Тогда отец сделал чучело из малицы мальчика и поставил его на берегу. Ночью из озера появилась большая щука и поползла по песку к «мальчику». Отец выстрелил из лука в открытую пасть щуки в тот момент, когда она хотела зубами схватить чучело. Подтащил щуку к себе за стрелу, распорол ей брюхо и вытащил сына.

С тех пор это озеро и ненцы живут рядом, взаимно уважая друг друга...»

...Итак, мы вновь на берегу озера Большое Щучье. Франк вызвал ракетницей Бориса, напарника Беспалого, который перевёз нас на другой берег, к подбазе. Мы стояли и смотрели с Анной друг на друга, стоя на противоположных берегах озера. И вдруг мне стало очень больно: не хотелось расставаться с Анной. Когда она уезжает из Салехарда, такого не бывает. Наши долгие разговоры в чуме или близость этого озера, которое стало для меня живым существом после рассказов Анны, или была еще какая-то необъяснимая причина, но мне стало очень тяжело. Я долго стояла на берегу и смотрела вслед Анне и Пете пока не потеряла их из виду, но все равно не смогла уйти с берега. Неизъяснимая тоска охватила меня, хотелось все бросить и бежать за ними!

Какое-то время я ещё побродила вдоль берега, думая об Анне, общение с которой оказало колоссальное влияние на мой духовный мир. Спасибо тебе, Анна!

Я очень надеюсь, что еще не раз вернусь в стойбище, и мы будем вести с ней долгие беседы о жизни, о людях тундры и их взаимоотношениях с природой. Можно с полной уверенностью сказать, что и сама жизнь стойбища – это неотъемлемая часть Природы, Вселенной, Космоса...

Пока я страдала на берегу, переживая разлуку с Анной, мужчины истопили баньку. Беспалый поговорил по рации с базой экспедиции и вызвал для нас вездеход. Он придёт лишь завтра, ходу от базы до озера часов 10—12.

Франк успел досадить Беспалому – назвал его собаку «Друг», а на самом деле его кличка «Север». Беспалый ворчал на Франка, что пёс только ему является другом, а не какому-то постороннему человеку.

Помылись в баньке. Есть совершенно не хочется. Настроение какое-то угнетённое, даже банька не помогла. А тут ещё Беспалый жарко натопил печку. Мне стало совсем плохо, вероятно, я заболела.

25 августа. До обеда я отлёживалась. Вроде полегчало. День тёплый, можно идти собирать ягоды. Озеро, видимо, всё-таки отпустило меня, но видение огромной зубастой щуки ещё долго преследовало меня.

Франк помирился с Беспалым. Да и как могло быть иначе при таком коммуникабельном характере француза. Беспалый собирает вещи. Он уезжает в отпуск.

Наконец, прибыл вездеход. Одновременно с ними прилетел вертолёт из Воркуты. Лётчик, конечно, ас – бывший афганец. Здесь великолепное место для отдыха, поэтому мэр города, начальник Воркутинского авиапредприятия (Беспалый называет их «генералами»), их жёны и дети часто прилетают сюда. Бывают с ними и гости, в том числе и иностранцы (датчане, немцы и т.д.). Пробыли они часа два, попили, поели, попели и улетели. Надо сказать, у меня произошёл очень любопытный инцидент с мэром. Возможно, Беспалый им сказал, что здесь случайно оказались французы. Кстати, во всё время визита гостей они и носа не показали из дома, а я торчала на улице. Вдруг подходит ко мне мэр, представляется, целует руку и приглашает в гости в Воркуту. Ну, а я... в свою очередь, на чистейшем русском языке позвала его в Салехард. Надо было видеть его вытянутую физиономию!

...Мы выехали в 9 часов 30 минут вечера. Предварительно я простилась с озером. Очень хочется увидеть его ещё раз! Собаку Беспалого закрыли, чтобы она снова не увязалась за нами. И началась наша поездка на вездеходе. Это был «Газон». Дорога, мягко говоря, ужасная. Нас било и колотило, мотало и бросало! В салоне пахнет керосином. Два раза что-то ломалось, так что мы делали вынужденную стоянку.

По дороге останавливались в стойбище у зырян. Это стадо совхоза «Салехардский». Валентина и Полина Терентьевы напоили нас чаем. У них двое маленьких детей – два месяца и 3,5 года. Дело было ранним утром. Все спали. В чуме четыре полога. Вдруг из одного полога высунулась голова и начала осматриваться, потом из другого показалась вторая и стала нас слушать. Эти старики-родители. Тут же кошка, привязанная к шесту, чтобы не мешала детям спать. Впервые вижу в чуме кошку! Валентин передал с нами мясо для матери в Салехард, а Франку подарили оленьи рога.

В общей сложности мы ехали на вездеходе 12 часов. Хотя и трудной была дорога, но очень красивой. Изумительные пейзажи Полярного Урала открывались перед нашими глазами один за другим.

26 августа. Мы в посёлке геологов. Одного из первых, кого мы встретили, был Беспалый. Вчерашние «генералы» взяли его с собой, посадив вертолёт прямо на улице посёлка – лихачи!

Дальше поезд «Воркута-Лабитнаги», теплоход «Московский» и пешком до дома. Ведь в Салехарде днём с огнём не сыскать такси, а тут ночь. В квартире меня встретили голодные коты и кровь. Нас обокрали, мужа грабители поранили, и его положили в больницу. Озеро-то предупреждало меня, как оказалось, о неприятностях. С тех пор я тоже стала верить в духов...

По отрогам Полярного Урала

Из полевого дневника 1999 года

21 августа. Сегодня я хочу отправиться с визитом к Василию Эсиковичу Лаптандер. Его большой семье дали квартиру в так называемой «Новой Лаборовой». Дома там поставили, прямо скажем, на очень неудачном сыром месте. Далеко не всё в порядке в этих новых строениях. Что-то там с отоплением не ладится, требуется много кое-чего доделать и переделать. У Василия Эсиковича шестеро детей. Самому старшему Александру 17 лет, младшей Юле – семь. Кроме своей ребятни у них воспитывается пятнадцатилетний племянник Женя, оставшийся круглым сиротой. И ещё отец, которому уже перевалило за девяносто. Это из-за него, в основном, семья перестала кочевать. Болеет сильно дед – возраст всё же сказывается. Отдавать же стариков в дом престарелых у ненцев не принято. Да и не перенесёт разлуки с тундрой Эсико Нгэвасэракович. А в Лаборовой всё-таки озёра рыбные рядом, тундра родная кругом и горы близко. Летом можно чум где-нибудь недалеко поставить. Тем более Василий Эсикович уже второй год преподаёт в Лаборовской малокомплектной экспериментальной школе. Знакомит детей с жизнью кочевников, как выжить в тундре, учит некоторым приёмам охоты, ставить силки на птиц и сетки для ловли рыбы и так далее. Короче говоря, зиму необходимо проводить в посёлке.

Василия Эсиковича я застала в несколько растерянном виде. В любом случае, его можно понять. Нужно утеплить дом до наступления холодов, какую-то элементарную мебель соорудить для новой квартиры. А ещё и рыбы надо запасти, заказанные нарты доделать. Завтра собирается Василий Эсикович идти в чум, где находится сейчас его семья. Много работы у главы дома, но всё-таки он выделил время, чтобы поговорить со мной. Ну, не мог он мне отказать в этом – ведь давно же обещал дать мне своеобразное интервью. Вот и фотографии мне помогли, которые я сделала для них ещё в прошлом году. Я всегда стараюсь отдать снимки тем, кого фотографировала, правда, с иными людьми не получается встретиться годами – никак не пересекаются дороги наших кочевий.

О многих вещах мне хочется расспросить поподробнее у Василия Эсиковича, раз уж я оторвала его от важных дел. Другого такого момента может и не представиться. Прочные и надёжные нарты, удобные ножи, красивые мужские пояса, да всё, что выходит из-под рук этого мастера, высоко ценится среди тундровиков. Заказы у него не переводятся. Если поставить в ряд несколько нарт, то сразу же можно среди них распознать изделия, изготовленные этим умельцем высокого класса. Прежде всего, мне хочется узнать, кто был учителем у Василия Эсиковича.

«Это мой отец. Он раньше тоже мастером считался. Он не учил специально. Просто сидишь рядом с ним и стараешься делать так же, как он».

– Ведь у нарты должны быть определенные размеры: наклон копыльев, расстояние между полозьями, ширина, длина и так далее. Вы всё это как-то измеряете или делаете просто на глазок?

«Где как. Что-то примерно, на глазок, а бывает, что и вымеряю. У меня нет ни одних одинаковых нарт, они сами собой почему-то разные получаются. Одна может быть подлиннее, другая пошире. Да и назначение у них разное: мужские, женские, грузовые и прочие. Даже недавно сделал специальные нарты для снегохода „Буран“».

– А какой материал используете для строительства нарты?

«Лиственницу. Идешь в лес и буквально каждое дерево осматриваешь. Допустим, для того чтобы сделать полозья, дерево должно быть особой кривизны и толщины. Чтобы изогнуть носы полозьев, дерево надо запарить. Перед запаркой нужно внимательно его обсле-

довать, главное, чтобы в этом месте не было сучков – оно может сломаться. Дополнительный полоз к основному прикрепляю деревянным шпоном. (Дополнительные полозы применяются для того, чтобы увеличить продолжительность жизни нарты. Дело в том, что на нартах ездят в любое время года, поэтому полозья быстро стираются, особенно в горах. Прим. автора). Раньше и доски на сиденье прикрепляли деревянными шпонами, но сейчас почти всегда прибывают гвоздями – сподручнее и быстрее. А вот шесты для чума обязательно надо делать из ели, потому что лиственница притягивает молнию. За елью надо ездить на реки Хадыту или Щучью, по берегам которых растут хорошие деревья. Для хорея подходит лучше всего берёза. Сделанный из этого дерева он будет более прочным и лёгким. Но у нас берёза не растёт, вернее, она есть, но искривлённая. Ведь длина хорея четыре метра, поэтому делаю из лиственницы».

– Очень ценятся у тундровиков и мужские пояса, изготовленные вами. А для них, где вы берёте материал? Хотя бы ту же бронзу для украшения?

«Покупаю в магазине обычную чёрную кожу юфть, обтягиваю сукном. Ещё нужно сделать специальные бляхи для украшения, на которые идёт бронза и латунь. Это я заказываю у кого-нибудь. Раньше было проще – геологов же находилось полно в тундре. На свалках техники, оставленных геологами и строителями, можно было кое-что выбрать. Теперь трудно такой металл достать».

– А мы-то возмущаемся, что промышленная цивилизация засоряет окружающую среду, – не выдерживаю я, чтобы не прокомментировать его слова. – Оказывается, от них и польза бывает немалая для тундровиков, – мы посмеялись, и я стала дальше пытаться Василия Эсиковича. – В одной из неопубликованных повестей Анны Неркаги говорится, что у героя был пояс с семью ножнами. Вы, ненароком, никогда такого пояса не пытались сделать?

«Нет, не пробовал. В некоторых ярабц поётся про пояс с семью ножнами. Там ножи, видимо, для всяких работ предназначены. Я даже для двух ножей никогда не делал, потому что пояс тогда очень тяжёлым получится».

– Насколько я знаю по ярабц, такой пояс надевают только в исключительных случаях, – вставляю я своё слово.

«Там ещё поётся и о том, что богатыри-сюдба надевали кольчуги, которые делали по их специальному заказу кузнецы», – подхватил Василий Эсикович.

– Раз уж разговор зашёл о поющих, то ведь твой отец тоже хорошо исполняет ярабц, сюдбабц. Я сама не раз слышала его исполнение в сопровождении твоего брата Ильи.

«Раньше он постоянно пел. Как гости соберутся, мог ночами петь напролёт. В то же время было много поющих людей».

– А вы помните кого-нибудь из старых поющих людей?

«Помню. Старик Ледков был. Говорят, его сын Серафим поёт. Тайбери Нюдико, но он давно уже умер. Раньше почти каждый второй пел в тундре. Иван Тохоля вместе с отцом часто пели. Это же надо постоянно петь, чтобы не забывалось».

– А сами вы не поёте?

«Я не пробовал петь. Я в школе учился, а там же не учат этому».

– Я уверена, что хотя вы сами и не поёте, но всё равно знаете содержание большинства ярабц, которые поют люди тундры?

«Содержание знаю, конечно, но при пересказе теряется смысл. Особенно, если на русский язык переводить вообще непонятно получается. Когда поются старинные песни, даже для меня есть непонятные слова, обороты и выражения. Типа поэзии, рифма в стихах, свой ритм».

– Какую школу вы закачивали?

«Белоярскую. 10 классов. Потом в армии служил на дальнем Востоке, в Хабаровске».

– Кстати, что вам дала служба в армии?

«Я поездил по стране, увидел что-то новое. Кроме Хабаровска на Сахалине побывал. Другой мир посмотрел. На Сахалине тоже кочующие люди есть, нивхи. Я с ними разговаривал. Да и вместе с нами служили нивхи, нанайцы. У нас в одной роте из 150 человек было 24 национальности. Даже в нашем взводе служили два узбека, два армянина, два грузина, ненцы с Тазовского и Ямальского районов, ханты из Овгорта. У нас, вообще, коалиция была – тюменское землячество. 20 человек нас было из Тюменской области».

– Сейчас много говорят про дедовщину, а у вас такое явление было?

«Мне уже 37 лет, так что в наше время немного по-другому было. Когда первый раз приехали на Сахалин, там были старослужащие – тюменцы, они нас в обиду не давали. Тогда какая была дедовщина? В основном, когда дело касалось уборки, общих хозяйственных работ. Те, кто давно служат, они же считают, что не должны этого делать, поэтому гоняли молодёжь. А если у молодого солдата земляк попадает в роту старослужащий, он сразу же начинает возмущаться: „Почему моих земляков обижают?“ И начинаются разборки уже между старослужащими. Потом нас и красноярские опекали. Были там ребята из Норильска, с Енисея. Удмурты, коми, пермяки – все нас защищали. По принципу, все мы северные люди должны помогать друг другу. Вообще-то, я в стройбате служил, работал формовщиком на заводе отопительного оборудования. После армии сразу вернулся сюда».

– Василий Эсикович, вы делаете прекрасные вещи, своеобразное произведение искусства, но всё это используется, главным образом, для хозяйственных нужд. А что-либо для души пробовали создать?

«Не хватает времени. Раньше, когда учился в школе, что-то делал. В молодости тоже, давно уже. В армии работал художником-оформителем».

– Кстати, об учёбе. Как вы считаете, Василий Эсикович, детей надо учить в школе?

«Конечно, нужно. Скоро 21-й век, надо грамотными быть. В большой посёлок приезжаешь, даже и не знаешь, как вести себя, некомфортно как-то. Я вот даже в городе неудобно себя чувствую, теряюсь там, хотя вроде бы и поездил, когда служил в армии. Ребятам надо больше знать, чтобы они себя уверенными чувствовали».

– Василий Эсикович, а в тундре книги и газеты на ненецком языке читают?

«Вряд ли. Трудно на нём читать. На русском читают».

– Вы прекрасный мастер. Наверняка, поэтому вас пригласили работать в школу в качестве преподавателя-наставника, чтобы обучить ребят своим навыкам. Какова ваша методика проведения занятий? О чём вы им рассказываете на своих уроках?

«Большинство детей в нашей школе из посёлка, поэтому они плохо представляют себе тундровую кочевую жизнь. Я рассказываю им об этом. Потом беру какую-то вещь и разъясняю, для чего она предназначена, как используется в быту. Показываю, как строить нарты, как изготавливать хореи. Езжу с ними в тундру, учу, как ставить силки, капканы. Объясняю, как зимой ненцы находят мох-ягель под слоем снега».

– А можно чуть-чуть об этом поподробнее?

«Прежде, чем перегнать стадо на новое пастбище, обычно проверяется рыхлость снега. Если будет ледяная корка или крепкий наст, то копыта оленей могут не пробиться к ягелю. Если будет такой шершавый снег, то можно и ноги порезать, израниться. (Знаю, попадала в такой, – как наждаком сдирает кожу. Прим. Автора). Также может быть такое, что земля вся вытоптана ещё раньше, и там совершенно нет корма. В общем, берёшь специальную лопатку, она называется по-ненецки «хасаво янгабчъ», раскапываешь снег и смотришь, будут здесь держаться олени или нет».

Я детям также рассказываю, как определить направление, чтобы не заблудиться в тундре, как установить, где север, а где юг.

– И как узнать это направление, вдруг и мне когда-нибудь пригодится?

«У нас ветра дуют, в основном, с трёх сторон. Самые сильные – с запада, с Уральских гор. Они буквально выметают весь снег. А если северный ветер, то, наоборот, заметает. Надо запоминать, откуда, с какой стороны последний раз был ветер. Даже сугробы могут об этом рассказать – заструги такие на них образуются. Также во время бурана нужно смотреть на кочки, куда травинки на них наклонены. Можно определить по кустам, по деревьям – с южной стороны больше веток. Кора дерева обычно бывает красной с той стороны, откуда чаще задувают ветра, а с противоположной стороны – серого цвета. Также и мох, чем больше выдувает ветер, тем меньше мха. Конечно, здесь ещё и от местности зависит. В одном месте ветер так поработал, а в другом как-нибудь иначе. Надо всё это знать и помнить».

Да, жить в тундре – целая наука. Василий Эсикович даже показал ребятам, как огонь разжечь во время пурги. Для этого делается ямка в снегу, туда кладутся сухие веточки, всё это под малицу, и только тогда зажигается спичка, а иначе ветер не даст поджечь приготовленные ветки. Кстати, у бывалого тундровика всегда есть в запасе кусочек бересты для таких вот экстремальных случаев. А приходилось ли ему ночевать в куропачьем чуме, допытываюсь у Василия Эскиовича.

«Это же обычное явление в тундре. Обычно, когда капканы ставил, то на большие расстояния ездить приходилось. Иногда доводилось ночевать в снегу, чтобы доделать на следующий день работу, а когда и метель начнётся, то лучше её в затишке переждать».

– Естественно, что вы хорошо знаете всю тундру...

«Не всю, конечно, – перебивает он меня, – а только те места, где мы кочевали. Мы в позапрошлом году перестали кочевать – дед болеет, а так и до Байдарацкой губы каслали и в горы. Мне легче кочевать, я уже привык к этому образу жизни. Сейчас вот в посёлок перехожу, так одни трудности. И морального, психологического плана и просто бытовые. В тундре себя более свободным чувствуешь, ни от кого не зависишь. Куда человек хочет, туда и едет, что хочет, то и делает. Основное-то у нас – стремление к свободе».

– Я была в вашем стойбище, когда вы стояли на озере Нгоя то, около горного массива Янгаян Пэ, на реке Щучьей и в других местах.

«На одном месте человек начинает чувствовать себя неудобно, ему уже хочется перемены. На одном месте не приживаешься никак. Даже, когда на летовке стоим, то есть не кочуем со стадом, всё равно перекочёвываем хотя бы на небольшое расстояние».

– Я заметила, что пастухи каслают зачастую не одним и тем же составом. В этом году он с одним оленеводом кочует, а на следующий год, смотришь, в соседнем чуме уже кто-нибудь другой. Почему это происходит? Надеюсь, не из-за несходства характеров?

«Конечно, нет. Тут много причин. Допустим, у меня одни планы, а у соседа другие обстоятельства. Он собирается поохотиться, а я хочу рыбу половить. Он в этом году думает одно место посмотреть, а я другое. А кому-то хочется вообще одному покочевать».

– Василий Эсикович, у вас есть своё священное место?

«Раньше наши прадеды каслали до Печоры и на Ямал ходили. (Это сейчас принято называть весь округ Ямалом. А в Байдарацкой тундре ненцы на меня даже однажды обиделись, когда я сказала, что мы сейчас находимся на Ямале. Они поправили меня, что есть отдельно полуостров Ямал, значит, Ямальская тундра и отдельно другие тундры: Гыданская, Тазовская и т. д. Прим. автора). Одно жертвенное место у нас где-то там, в сторону Печоры, а другое где-то на Ямале. Мы в те места не кочевали, так что я там не был. Об этом мне дед рассказал. А так-то здесь священных мест много. Жертва приносится на таких местах. Это обращение к Богам верхнего или нижнего миров. Есть, например, богиня Яминя. Она считается из Нижнего мира».

Как хочется мне узнать побольше от Василия Эсиковича, но дела ждут его. Вон уже и старший сын заглядывал не один раз в комнату, в нетерпении поглядывая на нас, когда же мы закончим беседу. Очень жаль, что у хозяина мало свободного времени. Он всегда занят.

Вся забота о семействе на его плечах. Но всё-таки я прошу его хотя бы немного поведать об отце.

«Подробно о его жизни я не могу рассказать. Он-то сам о себе только сбивчивыми отрывками говорит. Нельзя один общий рассказ сделать. Надо его поспрашивать, где он был, что делал. Он же везде побывал. И на Ямале, и за Полярным Уралом. Одно время жил в посёлке Яры, что располагались на берегу Байдарацкой губы. Раньше там фактория была. Работал печником. Был разнорабочим. На Оби рыбачил. Он же вообще без стада оставался. Батрачил у оленеводов за оленей, прирабатывал, закупал, так постепенно у него новое стадо появилось».

Всё. Лимит времени исчерпан. Может быть, удастся поговорить в его стойбище.

23 августа. Сегодня я хочу навестить стойбище, расположенное на озере Нгоя То. Пешком идти туда не так уж и далеко – всего километров пять. Но не следует забывать, это тундра, а не асфальтированная дорога. Ну, да мы народ привычный. В походе меня сопровождают на этот раз постоянная моя спутница Галя Неркаги и Лена Валеева. Заходим в магазин, чтобы купить кое-каких продуктов, печенья, конфет – с пустыми-то руками не пойдёшь. Хотя и гостеприимный народ, а всё-таки лучше иметь с собой гостинцы. А то вот в прошлом году у меня ничего не было с собой, кроме пары конфет, и так я себя неловко чувствовала, когда Эсико Лаптандер вместе с сыном Ильёй исполнили ярабц, а мне даже нечем было их отблагодарить. Безусловно, это произошло не специально, просто мы случайно туда попали, но всё равно как-то не по себе. В этом году я хочу попроведать Эсико и вернуть ему долг. Вот как раз в это стойбище, где он живёт, мы и направляемся.

От Лаборовой, мы спускаемся к озеру Харанлянзе (с ненецкого переводится, как извилистое), огибаем его, чтобы выйти на противоположную сторону, и направляемся в сторону стойбища. Перебираемся через ручьи и болота, бредём, не торопясь, по тундре. Стойбище встречает нас лаем собак. Они дают знать хозяевам, идёт кто-то чужой.

В первом чуме, где живёт Василий Эсикович Лаптандер, застаём всё семейство в полном составе за столом. Разумеется, хозяйка Мария пригласила нас попить чаю. Дед Эсико почти совсем ничего не ест. Говорит, у него болит живот и печень. Он очень сильно похудел. Жаль старика. В этом году едва ли удастся услышать его песни. И даже не из-за того, что у него нет здоровья. Дело в том, что у него траур – зимой замёрз старший сын Илья, так что все песни отменяются. Дай Бог ему доброго здоровья ещё на долгие годы, а нам радости общения с его древним искусством. Я отдала им гостинцы, и мы отправилась во второй чум.

Французы в гостях у кочевников

По страницам полевого дневника 1993 года.

24 марта. В музей приехал Франк Депланк, с которым я познакомилась в позапрошлом году, когда мы вместе с ним и Француз Угье, представлявшей французскую газету «Либерасьон», путешествовали в горах Полярного Урала. (Я писала об этом в дневнике за 1991 год). В прошлом году мы ездили в этом же составе в Байдарацкую тундру. До Лаборовой добирались на машине. Гостиницы в посёлке нет, и строители любезно разрешили пожить в одном из балков. (В этом посёлке силами треста Ямалтранстрой, возводящего железную дорогу Обская-Бованенково, строятся дома для местных жителей в качестве компенсации за отторгнутые пастбища). Вода для питья, которую набирают в ближайшем озере, там хранится в железных бочках, впрочем, северяне знают, что это такое. Так вот Франк достал какие-то таблетки, ссыпал их в бочку и предупредил, через два часа эту воду можно будет пить. Что с них взять, с этих цивилизованных западных людей – ну боятся они испортить свои изнеженные желудки. (Впрочем, хочу отметить, позднее он уже этим «грязным» делом не занимался – организм, видимо, адаптировался к нашим российским условиям).

В тот же день произошёл один забавный случай, который мне довелось наблюдать. Прознав, что приехали французы, народ, причём живший не только в посёлке, но и в тундре, очень заинтересовался. В советские времена иностранцы были редким явлением на севере, а тут французы, да ещё и из самого Парижа. И потянулись люди поглазеть на это чудо. Рассматривали их издали, а некоторые наиболее любопытные заглядывали прямо в балок: «А можно увидеть живых французов? Гляди-ка, а они такие же люди, как и мы». Гостям объяснили ситуацию, и Франк, улыбаясь, тут же нашёлся: «Смотрите на меня, вот я – французский шпион». Посмеялись над его шуткой и все остались взаимно довольные друг другом. Надо сказать, Франк чрезвычайно доброжелателен и быстро находит с людьми общий язык, хотя пока ещё очень плохо говорит по-русски. Вот и в тот раз ненцы согласились довезти до стойбища только Франка, потому что олени были ослаблены после зимы, а ехать достаточно далеко и каждый килограмм груза много значит при перевозке. Так что пришлось нам с Француз вернуться, не солоно хлебавши, в Салехард. Ехали мы обратно на поезде, который развозит рабочих по трассе – одни торопились на вахту, другие возвращались с работы. Я не знаю, с каких времён сохранился этот вагон. У меня было такое впечатление, что не меньше, чем с Гражданской войны, так там было всё убого, разбито. Поезд шёл медленно, останавливаясь только на разъездах. Вместе с машинистом ехал, видимо, его сын, мальчишка лет 11—12. Вдруг состав остановился прямо посреди тундры. Выскочил из кабины мальчишка с ружьём, пробежал метров 20—30 до ближайших кустов, выстрелил и обратно вернулся уже с уткой. Надо отметить, по пути следования пересекает железнодорожная колея немало речек, а по обеим сторонам от насыпи множество больших и малых озёр. То есть птицы со стародавних времён облюбовали эти места в качестве летнего пребывания и для гнёзд, где откладывают яйца и выращивают подрастающее поколение. Время для охоты на пернатую дичь было уже запретным, но ведь как же можно оставить бедную утку в покое! Мне было ужасно жаль птицу и ещё не проклюнувшихся птенцов. Я не думаю, что этот машинист был голоден, и вопрос шёл буквально о его жизни и смерти. В этом случае я ещё смогла бы его поступок понять, но вот так просто остановить поезд ради убийства утки... не уразумею и всё тут. Долго я не могла успокоиться, даже по приезде рассказала об этом случае в охотинспекции, но каков был результат, к сожалению, не знаю. Ещё раз убеждаюсь, проводить экологическое воспитание среди пришлых людей просто необходимо. Ведь ни один тундровик, да и вообще местный человек, издавна живущий на этой земле, не позво-

лит себе такого – убивать птицу во время гнездования и выращивания птенцов. Наверное, и этот машинист у себя на юге этого бы не сделал, а здесь – на севере, всё можно. Вот опять вспомнила про этот эпизод из прошлогодней поездки и огорчилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.